

Автор предупреждает, что все герои этого произведения являются вымышленными и что сходство с реальными лицами и событиями может оказаться лишь случайным.

Глава 1

Наконец я очнулась, но глаз пока не открыла. Память возвращалась медленно, и случившееся за несколько минут до того, как я отключилась, всплывало по частям. Потом возникла целостная картинка. Увидев ее, я решила, что для начала должна прислушаться, разобраться, где я, что меня окружает, и лишь тогда проявлять признаки жизни — на тот случай, если сейчас кто-нибудь наблюдает за мной.

Первый звук показался непривычным, и я не сразу сообразила, что это. Но потом поняла: именно так вода бьется о борт судна. Значит, я на той треклятой яхте, на которую мне так не хотелось вчера идти... Ведь как чувствовала... А интуиция у меня обычно работает великолепно. Но я не могла не пойти. Это, пожалуй, был последний шанс выполнить задание шефа. Не зря же он меня сюда посылал? Да и Ваньке, сыну, отправившемуся в эту поездку вместе со мной (в качестве прикрытия — во что я его, естественно, не посвящала), страшно хотелось провести последний вечер не в гостинице.

Итак, вода плещется о борт. А яхта (если, конечно, я на ней и меня куда не перенесли), между прочим, движется, а не стоит на месте. И ее прилично качает. Нет, море (или океан?) пока не штормит, но похоже, что дело идет к этому. И куда же мы на-

правляемся, хотелось бы мне знать? Но об этом подумаю чуть позже.

А пока следует прислушаться, не раздастся ли чей-нибудь ангельский голосочек, например душики Вадика — плейбоя, пытавшегося меня охмурить примерно с четвертого дня нашего с сыном отдыха на Гаити, но быстро переключившегося на Ваньку. Вадим явно понял, что гораздо быстрее найдет общий язык с моим сыном, чем со мной. И решил действовать через ребенка, вернее, подростка — Ваньке уже тринадцать. У них нашлось много общего, по-моему, даже слишком. Ваньке страшно нравилось общение с дядей Вадимом, и, когда мы с сыном оставались вдвоем, он только о нем и говорил и все никак не мог понять, почему мне так не по душе новый знакомый.

Я же просто хотела использовать редкую возможность по-настоящему отдохнуть. Повалиться на солнышке, поплескаться в теплом Карибском море или в роскошном бассейне пятизвездочного отеля, не думая о том, куда вести кормить сына, — мы отдыхали по системе «все включено», так что ребенок прекрасно соображал сам, в каком ресторане, чем и когда ему сегодня питаться. Вернее, соображали они вместе с Вадимом.

Но я приехала не только отдыхать! Возможно, я выбрала бы для отпуска другое место, потому что предпочитаю не появляться два раза в одном и том же. Конечно, сюда можно ездить снова и снова, но в Карибском море много островов, и условия проживания в принципе везде похожи. Будь моя воля — поехала бы куда-нибудь еще, но шеф очень просил... И не просто просил, скорее просто приказывал. К тому же он полностью оплатил это путешествие.

Однако я не выполнила его задание. Более того, сама оказалась неизвестно где. И что теперь ждет меня? Нас с Ванькой?

Ладно, обо всем по порядку. В декабре младшая дочь шефа (незаконнорожденная) на пару с подружкой (теперь, после смерти его жены, подругой и шефа тоже) отправились на десять дней отдохнуть именно в этот отель, расположенный в Хуан Долио, на южном побережье острова. Девушки пару раз звонили папе, потом звонки прекратились. Папа забеспокоился, не услышав их три дня подряд. Позвонил в отель сам — и ему сообщили, что Катя с Зоей изволили съехать именно три дня назад. Папа схватился за голову, но еще надеялся, что они вернуться в Россию, когда и должны были — пятнадцатого декабря. Но девушки не вернулись и билеты не сдавали.

Папа — он же Олег Алексеевич Буйновский, президент фирмы «Невский карат» — заперся у себя в кабинете с нашим начальником службы безопасности и совещался с ним в течение нескольких часов, периодически хватаясь за телефон.

Потом они вызвали меня.

Мы с Буйновским знакомы уже пятнадцать лет — я училась в университете в одной группе с его средней и любимой дочерью Ирой, моей тезкой. Правильнее будет сказать, я училась за его дочь Иру на деньги ее папы. Я писала за нее курсовые и диплом, я подтягивала ее к экзаменам — насколько это было возможно. Ирка — классная девка, мы с ней всегда дружили, но у нее не было ни малейшей склонности к овладению знаниями, она даже шпаргалки писала со всеми подробностями: по краткому конспекту не смогла бы ответить. Но с моей помощью (и, естест-

венно, с материальными вливаниями со стороны папы) Ирка университет окончила (с какими оценками — другой вопрос). Последние два года она жила в США и, по-моему, в обозримом будущем возвращаться в Россию не собиралась. Я же начиная с третьего курса работала на Буйновского.

Я бы назвала шефа олигархом местного значения. «Большие» олигархи проводят президентские выборы, формируют правительство, местные... ну, кто что. Буйновский в последние годы участвовал в формировании цен на всякие-разные камушки и золотишко. Именно по ним специализировалась наша фирма.

В советские времена папа Иры был партийным боссом средней руки, периодически появлялся в Смольном, имел хорошие связи. Человеком он оказался предусмотрительным и очень и очень неглупым — успел приготовить себе запасной аэродром до того, как потерял должность. Вскоре возник «Невский карат». Я подозревала, что через фирму (и принадлежащую ей сеть магазинов) отмывались и партийные, и криминальные деньги, но меня это, в общем, мало интересовало. Мне очень хорошо платили — и я не спрашивала, откуда эти деньги берутся, хотя обо многом догадывалась. Питер — не какой-нибудь Мухосранск, так что олигарх местного значения — это, можно сказать, звучит гордо. Буйновский, несомненно, предпочел бы выйти на уровень известных всей стране (если не миру) лиц, но пока не получалось. Хотя имел все необходимые «навороты» — автопарк, виллы и яхту — спонсировал моделек, перерезал ленточки, красовался перед телекамерой, посещал театры и концерты классической музыки... Не

потому что это его интересовало, просто так стало модно.

Конечно, мне не платили за просто так. Я вкалывала как проклятая, еще несмышленной девчонкой дав себе слово, что сделаю все, от меня зависящее, чтобы не жить в нищете. Мать родила меня одна и ни копейки не взяла с отца — гордость не позволила, а сам он мной не интересовался. Ею тоже. Мы жили втроем в двухкомнатной «хрущобе» — мать, я и дед-инвалид, попавший в свое время под трамвай. Всегда нуждались. Свои первые деньги я получила, начав писать сочинения за одноклассниц. Ну а в университете познакомилась с Ирккой. И ее папой. Тогда дело пошло легче.

Но на втором курсе я родила. В общем, в некоторой степени повторила судьбу матери. Сделать аборт я просто не могла — ребенок-то ни в чем не виноват. И я любила его отца. Как, наверное, мать любила моего. Я не знала ни фамилии, ни отчества Сереги и даже не представляла, где его искать. Но я так хотела, чтобы у меня осталась хоть частица его... Частица любви. К тому же я боялась, что, сделав первый аборт, больше не смогу иметь детей.

В общем, родились двойняшки. Я схватилась за голову. Мать с дедом тоже. Но ничего, быстро справились. Старшее поколение занялось детьми, а я — зарабатыванием денег. Годы учебы вспоминаю, словно кошмарный сон.

Потом пошли деньги. Во многом благодаря Иркиному отцу, за что я ему век буду благодарна. Мы переехали в пятикомнатную квартиру в новом доме, в строительство которого наша фирма вложила деньги («Недвижимость всегда в цене», — говаривал мой

шеф, а я с ним полностью соглашалась), я обеспечивала семью всем необходимым (и не только необходимым, но и всякими маленькими и большими радостями). Два года назад дед умер. Мама продолжала заниматься хозяйством и пестовала младшего из двойняшек, Славку. Моим же любимцем был старший, с которым мы обычно путешествовали по разным пляжным курортам. Младший с бабушкой больше интересуются образовательным туризмом, и, пока мы со старшим загорали на берегу Карибского моря, они осваивали Париж.

В общем-то, мы с сыном на эти его зимние каникулы собирались на Ямайку, но после исчезновения в декабре младшей дочери и подруги Буйновского и совещания с начальником службы безопасности Олег Алексеевич вызвал меня и безапелляционно заявил, что мы с Ванькой отправляемся в Хуан Долио. С вполне определенным заданием — попытаться выяснить, чем там занимались Катя с Зоей, с кем они общались и куда подевались. Параллельно с нами туда будет отряжена группа молодых людей, но они станут действовать самостоятельно. Мне об их работе знать не следовало. Шеф собирался задействовать какие-то государственные структуры, в которых у него на дотации имелись люди, занимающие довольно высокие посты. В случае достижения положительных результатов поисков мне был обещан счет в швейцарском банке, гарантирующем тайну вклада, а не тайну его местонахождения, как некоторые наши банки.

Кроме полной оплаты поездки с Ванькой мне дали приличную сумму на мелкие расходы, вернее, «на взятки папуасам», как выразился Олег Алексее-

вич. И Буйновскому, и мне, неоднократно посещавшей страны того региона, было известно, что взяточничество там процветает еще больше, чем у нас, и без соответствующей «смазки» ты ничего не получишь. Взятки — это часть любой сделки. Хочешь или не хочешь — плати: вождю племени — за пребывание на его территории (местный эквивалент «крыши»), высокопоставленному чиновнику — за помощь в получении прав на разработку месторождений, ну и, конечно, главе государства, готовому за деньги продать и собственную душу, и собственную страну.

Мы с Ванькой поехали. И на четвертый день нашего пребывания на Гаити мною заинтересовался некий Вадим из Москвы. Причем заинтересовался весьма навязчиво.

Мне тридцать два года, выгляжу я моложе, но, увидев рядом со мной Ваньку, двадцать два мне, конечно, никто не даст. Я всегда привлекала серьезных мужиков и, как мне казалось, не могла вызвать интереса у плейбоя. Если он из вербовщиков, то продавать меня в рабство уже поздно, для этого есть более молодые девушки, причем добровольно отправляющиеся за границу на заработки, да и острова Карибского моря — не совсем то место, где наших девчонок арканят для подобной работы. Поиметь с меня деньги — тоже шиш получишь. Я не наследница, прошла огонь и воду и ценю каждую заработанную мною копейку, так что никаких молодых жеребцов брать на содержание не собираюсь. В нашем отеле проживали несколько юных леди, присланных на отдых папами и папиками или приехавших на заработанные нижней частью тела, так что Вадиму при

желании было на кого обратить внимание. Но он не отставал именно от меня.

Я могла предположить только одну причину такого интереса. И она мне совсем не нравилась. Поэтому я порадовалась, когда Ванька нашел общий язык с Вадимом (по сути — великовозрастным ребенком) и они стали проводить много времени вместе, только изредка подключая меня. Это вроде бы устраивало всех.

На всякий случай я украдкой сделала несколько фотографий Вадима в разных ракурсах и отправила в Питер по электронной почте, как мы и договаривались с начальником службы безопасности. В письме я также описала его интерес к моей особе. К сожалению, ничего нового о Кате и Зое я выяснить не смогла, несмотря на купюры с портретами американских президентов, перекочевавшие из моего кармана в карманы представителей администрации отеля из местных. К немцам, его возглавляющим, я решила не обращаться.

Девочки прибыли, разместились, а в какой-то день съехали с вещами, просто поставив администрацию в известность о своем желании покинуть пределы комплекса. Никакой компенсации они не требовали, так что администрация не обратила особого внимания на их отъезд.

Я пыталась поговорить с горничными (к моему великому сожалению, плохо изъясняющимися на английском, а у меня с испанским по нулям) и с полицейскими, охраняющими территорию комплекса, но так ни до чего и не смогла докопаться. По-моему, Буйновский зря на меня рассчитывал в этом случае. Такое расследование — дело профессионалов. Он, конечно, их послал, но вот только куда?

Успокоившись, я стала просто наслаждаться отдыхом, бездумно валяясь на пляже.

Вчера был последний вечер нашего пребывания в отеле. Я собрала сумки и уже намеревалась пойти поужинать, когда в номер ворвался сын, за которым следовал Вадим.

— Мама, у дяди Вадима приплыли друзья на яхте! Они приглашают нас с тобой. Мам, давай поедем! Мам, ну пожалуйста!

Вадим подключился к просьбам сына и стал уговаривать меня провести последний вечер на судне. Мне очень не хотелось этого делать. Просто не хотелось — и все. Но Ванька так просил... Он никогда не бывал на яхте.

И вдруг я все-таки смогу что-то узнать у наших соотечественников про Катю и Зою? Шанс, конечно, мал, но он есть...

Вадим клятвенно обещал, что доставит нас с сыном назад в целости и сохранности и даже договорится с отелем, чтобы они прислали за нами машину.

— Где стоит яхта? — спросила я.

— В Санто-Доминго, — ответил Вадим.

— Но это же сколько ехать... — протянула я.

Ванька с Вадимом тут же принялись меня уверещать, что это совсем недалеко. На хорошей машине я не замечу, как быстро пролетит дорога, ну и так далее и тому подобное.

Как я поняла, Вадим предварительно провел хорошую работу с Ванькой и так увлек мальчишку, что сын уже не представлял себе последнего вечера на курорте без описанного увеселения. Я знала, что, если не соглашусь, ребенок будет на меня дуться несколько недель. «Прокачусь для очистки совести, —

решила я. — Мне же по возвращении перед шефом отчитываться. Скажу, что ездила на яхту для проведения разведмероприятий».

— Ладно, — в конце концов согласилась я. — Только мне нужно переодеться, я уже убрала вечернее.

Я выгнала обоих из номера, а сама тут же бросилась к телефону. В Питере из-за разницы во времени стояла глубокая ночь, но меня это мало беспокоило: дали задание — просыпайтесь.

Я связалась с начальником службы безопасности, сообщила новость. Он тут же сказал, чтобы я на яхту ехала и ни о чем не беспокоилась: его люди последуют за нами и в случае чего прикроют.

Последняя его фраза особенно врезалась мне в память.

— Только не надо никому говорить, что ты Сорокина, — сказал он. — Если будут обращаться, как к Буйновской, не отказывайся.

Только теперь, когда я лежала с закрытыми глазами на этой самой треклятой яхте, до меня полностью дошел ее смысл. Вернее, одновременно всплыли из памяти мелкие детали, на которые я не обращала внимания последние два-три года. Или обращала, но не особенно задумывалась над ними. Это была ловля на живца... Именно для этого меня сюда и послали.

Буйновский задумал выдать меня за свою дочь. Нет, он никогда не говорил этого прямо, но и не возражал, если меня принимали за Ирину. Я часто сопровождала его на всяких мероприятиях после отъезда моей тетки из страны и особо не задумывалась, почему он просит делать это именно меня,

считая, что Олег Алексеевич просто мне доверяет. Как-никак я подруга его любимой дочери, работаю у него в компании с самого основания и не собираюсь никуда сваливать. Плюс внешность у меня вполне достойная. И подать себя могу. По-моему, вообще тридцать — тридцать пять — это пик для женщины, если, конечно, не «поплыла» фигура. К этому возрасту в достатке накопился нужный опыт, ты знаешь, как себя преподнести, как выгодно продемонстрировать свои лучшие стороны, как доставить наслаждение мужчине... Правда, Буйновский никогда не проявлял интереса ко мне как к женщине, что меня в принципе радовало. Не люблю смешивать постель и работу.

Я сопровождала его на все встречи с иностранцами (но это было с самого начала моей работы в компании — я возглавляю международный отдел) и воспринимала это как должное и как часть своих обязанностей. Потом пошли мероприятия, на которых присутствовали лишь наши соотечественники. Мои знания здесь не требовались, и частью моих производственных обязанностей появление на этих встречах назвать было сложно — при чем тут международные связи? Но Буйновский просто должен был фигурировать с дамой. И этой дамой была я, хотя трахал он Зойку, ну а до нее еще какую-то модельку. Обо мне Буйновский всегда говорил: «Моя Ира». В особенности в последние два года, когда «его Ира» находилась в США.

Он хотел, чтобы окружающие считали меня его дочерью? Задумал таким образом уберечь настоящую? Он предполагал, что с его детьми может что-то случиться? И решил, что пусть лучше это случится со мной? Решил подставить меня?

Сволочь! Хотя... Его можно понять. И мне ведь в его компании очень хорошо платят... А если я вместо Ирки влипну в какую-то неприятную историю и выпутаюсь из нее, ничем не навредив Буйновскому и подружке, то смогу запросить еще больше. И получу. За информацию о Кате, Зое обещано немало... На образование одного из моих мальчишек как раз хватит. Буйновский — человек деловой. И прекрасно понимает, за что следует платить.

Но сейчас надо сообразить, что же произошло со мной и чего от меня хотят (не Буйновский в данном случае).

Когда мы вчера вечером прибыли на яхту, веселье было в полном разгаре. Ванька в сопровождении какого-то моряка (русского) тут же отделился от нас с Вадимом и отправился на исследование яхты, а мы прошли в салон, где вдоль одной стены стояли столы с выпивкой и закуской. Гремела музыка, свет мигал, то озаряя танцующих всеми цветами радуги, то погружая их во тьму. Специальная установка периодически выпускала дым, как это бывает во время концертов популярных звезд. Все были пьяны — или нанюхались какой-то дряни. Или и то и другое. Дамы оказались юными, ни одной из них я не дала бы больше двадцати трех, джентльмены представляли разные поколения — от сверстников своих спутниц до вполне почтенного возраста, но все одинаково дергались под какую-то дикую музыку, бившую по мозгам. Вероятно, слушать ее можно только под кайфом.

Меня тут же потащили в круг танцевать, я не знала, как из него выбраться. Вокруг извивались мужские и женские тела, кто-то стал оголяться, начисто

забыв о стыде. Ближайший ко мне парень издавал непонятные звуки, которые, по-моему, более подошли бы макаке в джунглях, чем человеческой особи. Остекленевшие глаза юной леди смотрели сквозь меня, и от этого взгляда становилось как-то не по себе. Я уже была готова выбираться отсюда, прокладывая себе дорогу руками и ногами, но мне на помощь внезапно пришел мужчина лет пятидесяти, очень ловко меня подхвативший и фактически утащивший из салона на палубу.

Я с наслаждением вдохнула морской воздух и внимательно посмотрела на своего спасителя.

— Вы не вписываетесь в эту компанию, — кивнул он в сторону салона, где продолжала греметь музыка. — Как вы сюда попали?

— Случайно, — призналась я. — И, откровенно говоря, хотела бы яхту покинуть. Вот только нужно найти моего ребенка.

— А, значит, это ваш сын изучает машинное отделение? — усмехнулся мужчина.

Вместо ответа я спросила, не может ли господин проводить меня к ребенку. Он, в свою очередь, предложил зайти к нему в каюту и осушить по бокалу шампанского.

— Мальчик никогда вам не простит, если вы уведете его отсюда, пока он все не облазил. Уж поверьте мне на слово: сам был мальчишкой. А второй возможности у него не будет — ночью мы выходим в море. Пусть посмотрит. Кстати, вы ужинали?

Я покачала головой и поняла, что страшно проголодалась. Я же не успела сходить в ресторан в отеле, а Вадим обещал, что нас накормят.

— Пойдемте, — мужчина взял меня под локо-

ток. — Да не бойтесь вы! — воскликнул он. — Я не собираюсь покушаться на вашу честь, — он хохотнул. — Зачем насиловать не горящую желанием женщину, когда есть столько желающих отдаться добровольно? Вон хотя бы из тех, — он кивнул в сторону салона. — Поужинаем, заберете ребенка и поедете... Хотя... Откровенно говоря, я хотел бы познакомиться с вами поближе.

Я возразила, что он видит меня впервые.

— Ну и что? — удивленно взглянул он на меня. — Когда я заметил вас в центре круга этих придурков... На вашем лице были одновременно написаны отвращение, негодование, иногда мелькала ярость и намерение бороться за свою свободу и победить... Такая гамма чувств одновременно. И вы абсолютно трезвы. И не употребляете наркотиков. Я прав?

— Кто вы? — снова спросила я вместо ответа.

Он посмотрел вдаль, в темноту ночи, на простирившееся перед нами бескрайнее море, потом повернулся ко мне и сказал:

— Меня зовут Арсений Михайлович.

— Очень приятно, но вы не ответили на мой вопрос.

Арсений Михайлович поинтересовался моим именем, я назвалась просто Ирой, но теперь меня просто разбирало любопытство. Кто этот тип? Какой он, к черту, приятель Вадима? Плейбою от силы двадцать пять, этот же в два раза старше и совсем не производит впечатления легкомысленного человека. И что ему от меня нужно?

Кстати, одет Арсений Михайлович был в смокинг, белоснежную сорочку с «бабочкой», на левом мизинце у него поблескивал крупный бриллиант. На

нескольких пальцах были вытатуированы перстни, что свидетельствовало о вполне определенном прошлом. Мужчина источал запах какого-то приятного одеколона (я не смогла определить какого), был трезв, чисто выбрит, говорил грамотно.

— Это ваша яхта? — внезапно ударила мне в голову мысль.

— В некотором роде, — ответил он.

— То есть?

— Вам не кажется, Ира, что вы задаете слишком много вопросов?

Я притихла. Арсений Михайлович повел меня в каюту, расположенную на этой же палубе, только ближе к носу яхты. Откровенно говоря, под этим словом я всегда понимала нечто другое, гораздо меньших размеров, чем судно, на котором я оказалась. По моему, оно ближе к теплоходу, но, наверное, и яхты бывают разные?

В каюте Арсения Михайловича, состоявшей из двух помещений — как бы гостиной и спальни, — уже был накрыт стол на двоих. Я вопросительно посмотрела на хозяина.

— Я распорядился, как только увидел вас, — заявил он в свое оправдание с легкой улыбкой на губах.

Ох, как мне не понравилась эта любовь с первого взгляда... Хотя лично Арсений Михайлович отрицательных эмоций не вызвал. Но и пылкими чувствами к нему я не воспылала. Возможно, если бы мы встретились при других обстоятельствах, я посмотрела бы на него более доброжелательно, но в те минуты мне хотелось как можно скорее покинуть яхту и снова оказаться в Хуан Долио, а еще лучше — в родном Питере.

Но, кажется, у меня не было выбора, и мы сели за стол. Арсений Михайлович оказался очень интересным собеседником, и я получила удовольствие от общения с ним. Так же, как от предложенных яств.

А потом меня неумолимо потянуло в сон. Глаза просто закрывались. Я отчаянно боролась, но ничего не могла поделать с собой. Я только помнила, что Арсений Михайлович вскочил из-за стола, чтобы меня подхватить.

И вот теперь я проснулась...

* * *

Пожалуй, в каюте я одна. Быстро открыв глаза, я огляделась.

Вчера я была в другой. В этой лишь одно помещение — и две односпальные кровати, вернее, койки. Или как это тут называется? На соседней сегодня ночью кто-то спал — постель была примята, и легкое одеяло небрежно отброшено. Между койками на полу стояли наши с Ванькой сумки...

Я была раздета до нижнего белья. Мое вечернее платье висело на плечиках в закутке у противоположной стены. На рейке там имелось с десятков вешалок, в данный момент пустых, поскольку наши с Ванькой сумки никто не распаковывал.

Я приподнялась и села. Голова не кружилась, но побаливала и была какой-то тяжелой. Меня также слегка подташнивало, но, возможно, это от качки, которую я совершенно не переношу.

Я сделала два шага до иллюминатора.

Мы находились в открытом море. Небо было покрыто облаками, сквозь которые время от времени

удавалось пробиться солнечным лучам. По всей вероятности, дул сильный ветер, так как волны поднимались на приличную высоту и довольно ощутимо били о борт.

Интересно, куда это мы направляемся? И где Ванька?!

Но вылетать на палубу в полуголом виде не стоило, требовалось привести себя в порядок. Всегда, даже в самой критической ситуации, следует быть в форме. Я направилась в душ, постояла под струей холодной воды, потом пустила теплую, насухо растерлась, долго расчесывала свои ниспадающие до лопаток волосы, затем вернулась в каюту, нашла у себя в сумке аптечку, растворила таблетку аспирина в стакане воды, любезно оставленной в небольшой канистре, стоявшей на привинченном к полу столике, выпила, подвела глаза, надела бриджи и футболку и отправилась на разведку.

Кабюта, слава богу, была не заперта. Да и что ее запираТЬ-то, куда я денусь в открытом море? Я вышла в узкий коридор, по обеим сторонам которого были расположены двери. В дальнем конце его виднелась лестница, к ней я и направилась.

Лестница вела вверх и вниз, из чего я сделала вывод, что нахожусь на одной из средних палуб. Сколько их тут? Я решила идти наверх — поскольку каюта Арсения Михайловича располагалась там, да и салон тоже. Наверное, я скорее смогу обнаружить хозяина (или хозяев) там, а не в машинном отделении, которое, по идее, должно находиться внизу.

По пути мне никто не встретился. Я не слышала ни шагов, ни голосов. Но я же не могу находиться на яхте одна?! Надеюсь, она не идет на автопилоте (или

как это тут называется)? Что тогда со мной будет? Управлять судном меня никто не учил, да и желания я такого не испытывала, — с вестибулярным аппаратом у меня не очень, поэтому морские прогулки никогда не были мечтой моей жизни.

На лестнице меня пару раз легонько тряхнуло, но, поскольку она была узкой и я могла держаться за перила обеими руками, то устояла и вскоре оказалась в некоем подобии коридора, крытого сверху и имеющего выход на палубу, до которого оставалось метров двадцать.

Верхняя половина стены, отделявшей коридор от моря, была стеклянной, и я еще раз убедилась, что мы находимся вдали от берегов. Теперь я смотрела в другую сторону — противоположную той, куда открывался мой иллюминатор.

Именно с этой стороны мы вчера поднимались на борт, но тогда яхта светилась огнями, а эта часть палубы была погружена во тьму. Посмотрим, что тут есть.

Держась за стеночку, я отправилась дальше, держа каждую попадавшуюся по правой стороне дверь. Все были заперты. Прогулявшись до выхода из коридора, я решила идти обратно — появляться на открытой палубе не было никакого желания. Я боялась свалиться в море. И кто будет меня спасать? Людей я по-прежнему не видела и не слышала. Коридор вывел меня к небольшому бассейну, площадью примерно пять на пять метров.

В этой части яхты я вчера не была. Значит, следовало каким-то образом добраться до той, где находятся апартаменты Арсения Михайловича. Но каким образом? Через открытую палубу исключается —

я боюсь выпасть за борт, значит, надо попробовать спуститься по лестнице вниз. А там будет видно.

Я двинулась обратно тем же путем.

Качать стало сильнее, и я чуть не свалилась, с трудом удержавшись за перила. Голова продолжала болеть, правда, после того как я вдохнула морского воздуха, мне стало легче, да и аспирин, пожалуй, уже начал действовать. Может, по пути еще разок заглянуть в каюту и принять вторую таблетку? «Нет, еще успею», — решила я и продолжила путь вниз по лестнице.

Преодолев один пролет, я оказалась в очередном коридоре с дверьми по обеим сторонам. Ну что ж, надо попробовать их все. Кстати, именно в своем коридоре я ни одну не дернула. Ладно, потом вернусь. Раз уж я здесь, начнем с этих.

Все двери оказались запертыми.

Вернувшись к лестнице, я, откровенно говоря, слегка запаниковала. Ситуация с каждой минутой начинала мне нравиться все меньше и меньше. А что, если я в самом деле одна на борту? Я же совершенно не представляю, что делать! А если эта яхта напорется на какой-то риф?! Я утону! Плавать я умею, и неплохо, но в бассейне или недалеко от берега, но уж никак не в открытом море, причем с такими волнами. Да, море теплое, но сколько я смогу продержаться на воде? И как дать сигнал SOS? Ну и вяпалась! И где Ванька?

Потом у меня мелькнула мысль, что в каюте должен отыскаться какой-то спасательный жилет. Положено по технике безопасности, если она тут, конечно, кем-нибудь соблюдается. А на палубе где-то должны висеть спасательные круги. Ведь судно же

все-таки! До кругов, конечно, добраться весьма проблематично, хотя бы потому, что я не хочу выходить на открытую палубу из боязни свалиться в море, но жилет поискать стоит. И еще выпить водички. Да, и с канистрой расставаться не следует — на тот случай, если я все-таки выпаду в море. Удобнее бы, конечно, какую-нибудь бутылку, но где ее взять? Вода нужна обязательно — без нее я смогу продержаться гораздо меньше, а морскую не попьешь. Итак, следующий этап — вернуться в каюту.

Это у меня получилось довольно быстро. Первым делом я осушила очередной стакан, потом еще полстакана, затем сунула нос под обе койки, но там ничего не нашла, даже пыли, что свидетельствовало о том, что команда тут недавно имелаась и порядок наводила. Вот только где теперь все?!

Мелькнула мысль о сигнальной кнопке. Если это яхта, предназначенная для морских прогулок богатых людей (а для чего еще бывают яхты?), то проектировщики должны были предполагать, что этим богатым клиентам может вдруг чего-то захотеться. Ну там, например, завтрак в постель... Или станет плохо во время шторма и возникнет необходимость кого-то позвать на помощь. Ведь в самолете над каждым креслом есть кнопка вызова стюардессы. Здесь тоже должно быть что-то аналогичное. Я принялась осматривать стены. Ничего. Ни кнопок, ни телефона (я предполагала, что может существовать локальная связь между каютами).

Затем я внимательно огляделась по сторонам, прикидывая, где же могут храниться жилеты, и остановилась на единственном в каюте шкафчике. Открыв его, я вздохнула с облегчением — внизу лежали

два надувных жилета. Остальные полки пусты. Пыли на них не было.

Я незамедлительно напялила на себя спасательный жилет — все-таки многократно приходилось выслушивать инструктаж стюардесс в самолетах, а здесь жилет был точно такой же, как нам недавно демонстрировали в «Боинге», принадлежащем «Эйр Франс». Свисточек работает, я даже свистнула, чтобы проверить. Только кому мне свистеть? Вот рацию бы какую-нибудь, что ли...

Мысль о рации опять подвигла меня на решительные действия, и я отправилась на дальнейшие поиски хоть одной живой души, а также — радиорубки, салона и каюты Арсения Михайловича.

Все каюты в моем коридоре тоже были заперты.

Что же дальше?

Оставался единственный вариант — я должна пройти в другую часть яхты по открытой палубе. Иной возможности пробраться туда я не видела.

Я еще раз прикинула, как буду надувать жилет, хотя чего было прикидывать — дерни за веревочку. В общем, мой взгляд постоянно косил на эту веревочку, а пальцы то и дело до нее дотрагивались. Я, конечно, очень надеялась, что не упаду в море, но не забывала старую добрую поговорку о том, что спасение утопающих — это... И спасение заложников. Кстати, а я тут в какой роли?

И не прихватить ли мне с собой деньги и документы? Хотя куда их прихватывать? В воду, что ли? Что с ними будет-то? Вообще-то с кредитками вроде все должно быть в порядке. Но, с другой стороны, я же не собираюсь прыгать в самом-то деле? Если соберусь... Тогда и прихватчу. А пока — вперед, на дальнейшее обследование яхты!

Я опять поднялась на свежий воздух, подышала полной грудью, чтобы заглушить легкое подташнивание, от которого никак не могла избавиться. Вот чего мне не хотелось, так это есть. И то слава богу.

Держась за обе стены коридорчика (он тоже был узким), я двинулась к выходу на палубу, правильнее будет сказать — к бассейну. Оказавшись у проема, я оглядела доступные мне части яхты. Ветер усиливался.

Внезапно яхту резко качнуло, и огромная волна взлетела на палубу и омыла ее. Часть воды скатилась в бассейн, часть — назад в море, а какая-то часть досталась мне. Для собственного успокоения (конечно, относительного) я дернула за спасительную веревочку и надула жилет. И, держась за металлическую обшивку, тронулась в путь по скользкому полу.

Но удержаться я не смогла и при следующем порыве ветра грохнулась на пол. Поскольку уцепиться было не за что, я плавно скатилась в бассейн. Вода показалась прохладной, но вынужденное купание пошло мне на пользу, по крайней мере голове стало легче. Я проверила жилет — держал он на воде просто прекрасно. Это придало мне сил и уверенности, а обращать внимание на мокрую одежду просто не стоило.

Подплыв к лесенке, я выбралась на поверхность и стала думать, как же мне все-таки изловчиться и перебраться к интересующей меня палубе. Яхту снова сильно качнуло, меня окатило очередной волной, перелетевшей через борт, и прямо напротив резко распахнулась дверь в той стене, вдоль которой я собиралась идти. Дверь стала с грохотом биться о металлическую обшивку, а я — вглядываться внутрь погруженного во тьму помещения.

Теперь у меня по крайней мере появилась конкретная цель. Я выбралась из бассейна и на четвереньках припустила к открывшейся комнатке, чуть-чуть отклонившись вправо, чтобы не встретиться лбом с дверью, раскачивающейся на петлях при каждом порыве ветра и крене судна. Она, судя по виду, была тяжелая, и я не исключала, что в случае столкновения как минимум потеряю сознание. О максимуме думать не хотелось.

Четыре метра, которые отделяли край бассейна от вожделенного проема, показались мне четыремя километрами. Я страшно боялась, что меня захлестнет очередной волной, смочит за борт или что сама соскользну туда по мокрому полу. Но мои труды увенчались успехом. В проем я заскочила, правильнее будет сказать — протиснулась, так как на мне был надет раздутый жилет, но он, издав какой-то странный скрип, мне тем не менее не помешал.

Я тут же схватилась рукой за косяк двери — но уже внутри спасительного сухого помещения. Заметила выключатель на стене, щелкнула им — и комнатка озарилась светом тусклой лампочки. В этот момент очередной порыв ветра захлопнул дверь, я бегло глянула на нее, поняла, что на ней есть задвижка, закрываемая изнутри, тут же ее задвинула и временно успокоилась.

Но только на пару секунд. Затем все-таки принялась оглядывать дверь и думать, как же она смогла раскрыться. Ведь, по идее, наверное, была закрыта на замок. А почему это меня так волнует? — тут же спросила я себя. Надо порадоваться, что я во временном укрытии. И осмотреться.

Меня окружали белые пластиковые лежаки, со-

ставленные один на другой, и закрытые пляжные зонтики, перехваченные пластиковой лентой и установленные в углу за полукруглой перегородкой, не позволявшей им упасть. Лежаки то и дело подпрыгивали — по мере крена яхты. В помещении также валялось несколько спасательных жилетов — причем двух видов: такие, как мой, и пробковые, пара спасательных кругов и еще какой-то пляжный и морской инвентарь, названия которого я не знала.

Поскольку передвигаться в надувшемся жилете было неудобно, я быстро сбросила его и надела новый, затем продолжила осмотр помещения.

И, к своему удивлению, обнаружила еще одну дверь, практически сливающуюся со стеной. По крайней мере, никакой ручки на ней я не нашла. Но отверстие для ключа имелось, хоть и малозаметное и расположенное гораздо ниже привычного уровня. Да и сама дверь словно бы предназначалась для каких-то карликов.

Я попыталась заглянуть в замочную скважину, но ничего не увидела.

Мне стало любопытно. Появилась надежда, что эта дверь — или ряд дверей, ведущих из одного помещения в другое, — поможет мне добраться до людей. Или радиорубки. Соображу я там что-нибудь?

Я огляделась по сторонам в поисках хоть чего-нибудь, чем можно было бы подцепить дверь снизу, или какой-нибудь проволоочки, которую я могла бы вставить в замочную скважину и попытаться открыть дверь. Поскольку в каждом углу лежали груды всякого инвентаря, у меня имелся богатый выбор. Я еще раз внимательно осмотрелась и заметила явно предназначенный для инструментов ящик, слегка

прикрытый какой-то грязной парусиной. Направилась к нему, чуть не грохнулась из-за своего надутого жилета, валявшегося теперь на полу, откинула его в сторону, открыла ящик и порадовалась. Этим инструментом, как мне казалось, можно открыть любую дверь.

Впрочем, копать в железках мне быстро надоело, я перевернула ящик и вывалила его содержимое на пол. Ставя ящик на место, внезапно обратила внимание на некий странный прямоугольный выступ у него по центру нижней части, не очень-то похожий на подставку. Заглянула внутрь ящика и увидела двигающуюся деталь, напоминающую дверку. Отодвинула ее и нашла несколько ключей, прилепленных скотчем к пластиковой поверхности.

Решила попробовать, отрывая их по одному.

Подошел второй.

Пригнув голову, чтобы не удариться о косяк, я оказалась еще в одной темной комнате, заставленной от пола до потолка какими-то коробками. Только в середине помещения имелся узкий проход. К следующей двери.

Но перед тем как попытаться открыть и ее, я решила исследовать содержимое коробок. Нашла выключатель, щелкнула им и уставилась на маркировку груза. Отправителем была компания из маленькой островной республики, расположенной в южной части Карибского моря. К сожалению, я не могла по надписям понять, что же находится в коробках. Ну почему я в свое время не выучила еще и испанский? Тех нескольких фраз, что я знаю, мне в данном случае явно не хватало.

Сняла одну коробку с ближайшей стопки и по-